

ТОЧКА СБОЯ

Перехват

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДЕРИГЛАЗОВ А.Е.

Артем Дериглазов

Точка сбоя. Перехват

<https://litres.ru/74598614>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артем учится жить с тем, что когда-то казалось спасением, а теперь всё больше похоже на опасный инструмент. Одно прикосновение способно открыть ему чужую память, страхи и возможное будущее — и каждый раз становится всё сложнее понять, где заканчивается защита и начинается контроль.

Пока их с Аней музыка выходит из тесных студий на большие сцены, вокруг появляются контракты, продюсеры, чужие интересы и люди, привыкшие превращать талант в товар. Но главная угроза скрывается гораздо ближе. Бесик больше не просто язвительный голос в голове Артема, а его самый точный советчик — и, возможно, худший из тех, кому можно доверить право решать за себя.

История о власти над чужими тайнами, цене абсолютного контроля и границе, за которой способность видеть людей насквозь перестаёт быть преимуществом.

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ	5
ЧАСТЬ I. ИЛЛЮЗИЯ КОНТРОЛЯ	7
Глава 1. Рабочий резонанс	7
Глава 2. Прямой контакт	13
Глава 3. Эхо чужой боли	20
Глава 4. Слепое пятно	25
Глава 5. Новый уровень	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Артем Дериглазов

Точка сбоя. Перехват

Роман

Дериглазов А.Е.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. ИЛЛЮЗИЯ КОНТРОЛЯ

Глава 1. Рабочий резонанс

Глава 2. Прямой контакт

Глава 3. Эхо чужой боли

Глава 4. Слепое пятно

Глава 5. Новый уровень

ЧАСТЬ II. АКУЛЫ И АГОНИЯ

Глава 6. Ломанный силуэт

Глава 7. Протокол рукопожатий

Глава 8. Чужой сценарий

ЧАСТЬ III. ЭРОЗИЯ ДОВЕРИЯ

Глава 9. Защитный барьер

Глава 10. Тень соавтора

Глава 11. Голос в затылке

Глава 12. Безопасная дистанция

ЧАСТЬ IV. ОШИБКА РАСЧЁТА

Глава 13. Синдром превосходства

Глава 14. Ловушка предвидения

Глава 15. Цена надменности

Глава 16. Точка невозврата

ЧАСТЬ V. ФАНТОМНАЯ ПОБЕДА

Глава 17. Принудительный ввод

Глава 18. Кукловод без нитей

Глава 19. Холодный прогон

Глава 20. Тысячник вслепую

Глава 21. Откат на Волге

Глава 22. Нулевой баланс

ЧАСТЬ I. ИЛЛЮЗИЯ КОНТРОЛЯ

Глава 1. Рабочий резонанс

«Контроль начинается там, где чужая защита становится тоньше кожи.»

Пахло перегретым поролоном акустических щитов, остывшим растворимым кофе и пылью, которую выдувал из стойки старый двухрешеточный компрессор. После пяти часов непрерывных дублей контрольная студия Вадима словно оглохла: уши уставали, верхние частоты начинали резать, а вокал в мониторах терял читаемость и слипался в кашу.

Артём сидел на потёртом кожаном диване, откинув голову на синюю звукопоглощающую панель. На коленях лежал Fender Telecaster. Левая рука затекла от сложных септаккордов, подушечки пальцев огрубели, а струны казались липкими от пота и налёта. Но инструмент он не откладывал.

За двойным стеклопакетом тон-ателье в полутьме стояла Аня. Громоздкие закрытые наушники давили на уши, перед лицом висел конденсаторный микрофон в «пауке» с потёртым тканевым поп-фильтром.

— Ещё раз с шестнадцатого такта, — проговорил Вадим. Его голос из мониторов в контрольной комнате звучал

плоско, пропущенный через внутренний микрофон обратной связи.

— Ань, у тебя в третьем квадрате проваливается окончание, — добавил он, даже не нажимая на паузу. — Ты воздух экономно берешь, тебя банально не хватает на сбивку перед припевом.

— Завтра у меня с десяти утра группа из области заезжает на барабаны, — Вадим даже не повернул головы. Серый свет от мониторов отражался в его лысине и засаленном воротнике флисовой кофты. — Мы либо закроем эту песню сейчас, либо твой вокал на препати перед туром будет звучать как из металлического ведра. Артём, сыграй ей опорный тон.

— Ты куда? — буркнул Вадим, не отрываясь от формы волны на экране.

— Поправлю микрофон. Она ссутулилась, диафрагма зажата, — спокойно ответил Артём.

Он нажал тугую ручку. Щёлкнул уплотнитель — и его накрыла глухота рабочей зоны. Здесь звук почти не отражался от стен, обшитых тёмным поролоном «пирамидка».

Аня стояла у стойки, опустив руки. Смотрела в пол, на свёрнутый кольцами XLR-кабель, и тяжело дышала.

— Не надо меня защищать перед Вадимом, — прошептала она, не поднимая глаз, когда Артём подошел вплотную. — Я вытяну эту ноту. Просто давят эти стены. И он давит.

— Никто тебя не защищает, — Артём поправил пантограф микрофона, опустив его на три сантиметра ниже. —

Ты зажимаешь горло, потому что боишься не попасть. Перестань думать про попадание.

Аня вздохнула, поднимая руку, чтобы убрать за ухо выбившуюся прядь волос.

— У меня медиатор упал, — сказала она невпопад, глядя под ноги. — Где-то на ковролине. — Артём нагнулся, поднял с тёмного ворса маленький треугольник из чёрного торплекса и повернулся к ней.

— Держи.

Она протянула ладонь. Обычное, бытовое движение: он не бросил кусочек пластика в её открытую руку, а вложил прямо в пальцы.

Его огрубевший от струн большой палец коснулся влажной подушечки её указательного пальца. Ни перчаток, ни ткани. Кожа к коже.

Дар сработал сразу. Касание без барьера замкнуло цепь, и чужие страхи, мысли и ближайшее будущее ударили в сознание Артёма.

Восприятие резко поплыло, как при внезапном провале кабины лифта. Время стало вязким, и в голове Артёма одна за другой прокрутились две чёткие картины.

Сначала дар показал то, что должно было случиться через несколько секунд:

...Аня сжимает стойку микрофона обоими кулаками. Плечи судорожно задираются. На выдохе, на самом пике фадиезе, ее голос ломается, превращаясь в сиплый, уничитель-

ный фальцет. За стеклом Вадим бьет ладонью по пульта, ругаясь в обратную связь и сбрасывая дорожку.

Аня со слезами на глазах срывает наушники, роняет их на ковролин — пластиковая чашка с треском раскалывается по шву — и выбегает из тон-ателье, с силой задев Артёма плечом...

И сразу за этим, пробивая поверхностный слой, дар вскрыл более глубокий пласт — чужую спрятанную память: ...Полуподвальная комната с потертым синим диваном, пахнет дешевым вейпом и перегаром. Парень с сальными волосами и кривым шрамом над левой бровью лихорадочно листает ее общую тетрадь с текстами. «Ань, да кому нужны твои строчки без моей аранжировки? Ты без меня просто девочка с гитарой на арбатской брусчатке.

Подписывай отказ от авторских, или трек вообще не выйдет». И под рёбрами разрастается то самое липкое, удушающее ощущение собственной беспомощности, когда результат месяцев твоей жизни забирают просто потому, что ты не можешь дать сдачи...

Артём отдернул руку, разрывая контакт. Черный медиатор остался в её ладони.

В реальном мире пролетело от силы три секунды.

Аня моргнула и слегка вздрогнула, будто дотронулась до открытого провода под напряжением.

— Что с тобой? — тихо спросила она, всматриваясь в его вытянувшееся лицо.

— Ты будто в стену врезался.

Артём шагнул назад и спрятал руки в карманы толстовки. Сердце било в горле. В висках разгоралось знакомое игольчатое давление — расплата за работу дара.

— Не пой эту строчку, — сказал Артём. Голос прозвучал слишком ровно для человека, только что пропустившего через себя чужую обиду.

— Что? — Аня нахмурилась.

— Не пой фа-диез. Вадим судит по академическому шаблону. Здесь уйди в субтон — почти в шёпот перед верхней нотой. Так появится объём, а компрессор не раздавит кульминацию.

Аня замерла. В ее глазах мешалась усталость и глухое недоверие.

— Вадим скажет, что это не по концепту...

— Плевать, что он скажет, — Артём развернулся к выходу. — Пой в шепот. Я скажу ему, что это решение по аранжировке.

Он вышел из тон-ателье, тяжело притворив за собой дверь. Вадим в контрольной комнате крутился на кресле, раздраженно подперев подбородок:

— Ну что вы там застряли? Пишем или до завтра ждем?

— Пишем, — Артём сел на диван, не беря гитару. Руки он плотно сжал в кулаки, спрятав ладони. — Она сделает субтон на сбивке. Без высоких нот.

— Ты с ума сошел? Там же динамическая кульминация!

— Включай запись, Вадим.

Вадим пробормотал что-то сквозь зубы про «малолеток с амбициями», но нажал кнопку записи на контроллере.

За стеклом Аня надела наушники, не взглянув в лист с текстом. На шестнадцатом такте вместо ожидаемого надрыва из мониторов пошёл плотный, почти интимный шёпот, разложенный по панораме.

Вадим замер. Его рука над мышкой застыла. Он послушал еще секунду, потом медленно качнул головой и выдохнул:

— Чёрт... А ведь в этом что-то есть. Звучит намного взрослее.

Артём сидел на диване, уставившись на свои сжатые кулачки.

Видение не сбылось. Аня не уронила наушники, пластик не треснул, она не выбежала в коридор. Развилка была переписана еще до того, как всё произошло.

Но внутри остался чужой след — полуподвал и парень со шрамом над бровью. Артём теперь знал то, о чём она молчала, и это знание уже отделяло их друг от друга.

Глава 2. Прямой контакт

«Тайна кажется запертой, пока не вспоминаешь: первые окончания всегда снаружи.»

Утро в съёмной квартире на Петроградской стороне началось с давящей боли за глазами и запаха пережжённого эспresso. Артём стоял у высокого окна с облупившейся рамой и смотрел, как во дворе-колодце дворник сгребает мокрые листья в чёрные мешки.

На столе возле ноутбука с открытым проектом аранжировки валялась пара плотных кожаных перчаток. Артём поднял левую руку, разглядывая подушечки пальцев. Мелкие ожоги от стальных струн постепенно затягивались, кожа на них натянулась бледной, глянцевой пленкой, потерявшей чувствительность к температуре.

Вчерашнее считывание не прошло бесследно. После каждого проникновения организм будто терял заряд, а во рту оставался металлический привкус старой батарейки.

Тебе нужна система, — отчеканил внутренний голос. Бесик уже не казался галлюцинацией; он стал холодной, рассудочной частью его собственного «я». — Ты пользуешься даром как дикарь спичками. Выясни его границы.

Артём оделся, натянул куртку и выбежал на гулкую лест-

ничную клетку. Ему требовалось проверить физику своего дара до того, как они сядут за один стол с Вадимом подписывать документы на производство мерча и логистику первого тура.

На первом этаже у почтовых ящиков суежилась соседка — грузная женщина в тяжелом драповом пальто, от которой вечно пахло корвалолом и сырой шерстью.

Артём спустился по гранитным ступеням, намеренно ускорив шаг. Проходя мимо, он «неуклюже» задел её плечом. На женщине было два плотных слоя одежды: драп пальто и толстая вязаная кофта.

Ничего. Ни звука, ни картинки, ни тошноты. Только глухой стук ткани о ткань.

Артём остановился у массивной входной двери, придерживал её тяжелое полотно руками.

— Извините, Марья Ивановна, не рассчитал, — проговорил он, повернувшись к ней лицом к лицу.

— Да ничего, Артёмушка, — прохрипела она, хватаясь рукой за резной деревянный поручень, чтобы спуститься с последней ступеньки.

Артём шагнул навстречу и, делая вид, что помогает удержать равновесие, подхватил её под локоть — именно там, где из-под рукава пальто выставлялся открытый участок сморщенной, сухой кожи запястья.

Кожа к коже.

Отклик ударил по нервам мгновенно.

Не успел он даже зафиксировать температуру её кожи, как в сознании с тихим щелчком развернулась чужая бытовая мизансцена:

...Старуха доходит до чугунной калитки во дворе, поскользывается на мокром клёновом листе, роняет затёртую сумку, и ключи со звоном улетают сквозь решётку в ливневый сток. Она оседает в грязь и начинает беспомощно причитать на весь двор...

Артём разжал пальцы, словно обжёгся. Соседка ничего не заметила, только благодушно кивнула и поплелась к выходу, переваливаясь с ноги на ногу.

Артём вышел во двор вслед за ней, остановился у подъезда и вытащил из пачки сигарету.

Ровно через сорок пять секунд старуха возле калитки поскользнулась. Артём не стал вмешиваться — он просто наблюдал, как реальность с аптечной точностью повторяет полученный кадр. Она замахала руками, сумка перевернулась, и связка ключей исчезла в чугунном зеве ливневки.

Границы прояснились. Ткань полностью глушила отклик: нужен был открытый контакт кожи. Короткое касание показывало ближайшую развилку — не дальше десяти минут. Долгое проваливало глубже, в память и травму.

К двум часам дня Артём приехал в сетевой коворкинг на Невском, где Вадим назначил встречу с владельцем типографии по поводу производства мерча к туру.

В переговорке пахло свежим пластиком маркерных досок,

остывшим чаем и сухим воздухом от работающего на обогрев кондиционера. За овальным столом из дешёвого ДСП сидел Вадим — в той же помятой флисовой кофте, с красными от недосыпа глазами — и тучный мужчина лет сорока пяти в мятой рубашке, представившийся Сергеем.

— Артём, садись, — Вадим кивнул на свободный стул напротив. — Мы тут как раз смету на футболки и худи сводим. Сергей предлагает нормальные цифры по закупке ткани, но по роялти нужно зафиксировать позицию прямо сейчас.

Артём не стал садиться. Он подошел к столу, посмотрел на распечатанные бланки калькуляций.

— Все договоренности по мерчу — пятьдесят на пятьдесят после вычета честной себестоимости печати, — спокойно сказал Артём.

— Тём, ну мы же взрослые люди, — Вадим усмехнулся, поворачиваясь к нему на крутящемся кресле. — Себестоимость расходников выросла. Сергей не может гонять печатный станок в ноль.

Сергей за столом сдержанно кивнул, поджимая губы и поправляя на широком носу очки в тонкой металлической оправе.

Артём сделал шаг вперед и протянул руку Сергею через стол:

— Артём. Автор музыки и концепта. — Печатник поднялся, вытер ладонь о брюки и пожал ему руку.

Ладонь оказалась широкой и липкой. Кожа к коже.

Артём не стал зажиматься. Он продолжал смотреть Сергею прямо в переносицу, пока в его голове прокручивался короткий отрезок чужого будущего:

...Сергей лезет в кожаную папку, достаёт второй вариант приложения к договору — тот, что лежит под калькуляцией, — и подсовывает Вадиму. Себестоимость в нём завышена на тридцать процентов за счёт фиктивных «транспортных расходов». Уставший после ночной смены Вадим подписывает, не вчитываясь, а позже получает свой процент наличными. Доля группы уменьшается...

Картинка погасла.

Артём не отпустил руку Сергея сразу. Он сжал её чуть сильнее — ровно настолько, чтобы тот почувствовал кости.

— Серьезный подход к делу, — проговорил Артём, разжимая пальцы. — Доставайте второе приложение.

Сергей застыл. Рука его, только что освободившаяся из рукопожатия, нервно дернулась к открытой кожаной папке.

— Какое... второе? — переспросил печатник, метнув быстрый взгляд на Вадима.

Вадим нахмурился, в нем проснулась профессиональная настороженность:

— Какое ещё приложение, Тём? Мы же один бланк обсуждали.

— То, которое лежит у него под сметой, — Артём обошёл стол и сам вытащил из папки нижний лист с синей печатью. — Где себестоимость завышена на тридцать процентов под

видом транспортных расходов.

В переговорке стихли все голоса. За окном монотонно гудел внешний блок кондиционера.

Сергей побелел. Он переводил взгляд с Артёма на Вадима, не понимая, откуда парень знает содержание бумаги, которую ещё никто не видел.

— Ты... откуда это взял? — пробормотал печатник. — Это просто рабочий черновик...

— Вадим, — Артём бросил лист перед продюсером. — Если ты ещё раз попытаешься подписать со своими людьми бумагу, где режут наши с Аней проценты, я забираю исходники альбома, и мы уходим на дистрибуцию сами. Без тура и без твоего процента с площадок. Ты меня услышал?

Вадим смотрел на лист, затем на бледного Сергея, затем на Артёма. На его лысине выступили мелкие капли пота. Он не понял, как Артём раскусил схему, но почувствовал главное — этот парень больше не поддается привычному манипулированию.

— Серёж... займись делом и перепиши смету по первичным цифрам, — тихо, сквозь зубы проговорил Вадим. — Завтра принесешь нормальный вариант.

Когда печатник спешно собирал вещи, Артём стоял у окна, скрестив руки. В висках пульсировала тупая боль, но внутри крепла уверенность в собственной правоте.

Артём успел вмешаться до того, как схема запустилась. Опаснее самой сделки оказалось другое: впервые ему пока-

залось, что людей можно просчитывать безошибочно.

Глава 3. Эхо чужой боли

*«Память не архив. К чужой ране не нужен ключ
— достаточно прикосновения.»*

Репетиционная база в полуподвале на Васильевском острове пропиталась сыростью и гулом вентиляции. Каждую осень здесь заливало подсобку, и в воздухе держался запах мокрого бетона, старых ковров и нагретых ламповых усилителей.

Артём стоял у стойки, настраивая тюнер на педалборде. Красные и зеленые светодиоды моргали в полутьме, поочередно вспыхивая на черном металлическом корпусе. Голова гудела с самого утра. После коротких касаний на улице и в коворкинге за ушами застрял тупой, монотонный шум, похожий на свист незаземленного провода.

Аня сидела на краешке комбика, подтянув колени к груди. В руках она держала помятую тетрадь в клетку, где синей ручкой были испещрены тексты для новых треков.

— Нам нужно переписать второй куплет в «Шрамах», — сказала она, не поднимая глаз. Голос звучал сухо, напряженно. — Там рифма слишком банальная. Я пробовала поменять местами строчки, но выходит тяжеловесно.

Артём не вернулся к гитаре. Он отставил инструмент на стойку, подошел к ней и оперся спиной о холодную кирпич-

ную стену.

— Покажи, — он протянул руку.

Аня помедлила полсекунды, затем передала тетрадь. Её пальцы были спрятаны в длинные рукава серого вязаного свитера. Никакого случайного касания кожи. Она словно интуитивно чувствовала, что рядом с ним нужно держать дистанцию, хотя сама еще не понимала причин.

Артём перелистал страницу. Текст был размазан, кое-где зачеркнут до дыр в бумаге. На полях от руки были набросаны вымарки и чужие пометки — аккуратный, мелкий почерк с сильным наклоном влево.

Внутри что-то щёлкнуло. Воспоминание со студии — полуподвал, парень со шрамом и ощущение беспомощности — снова ударило по нервам. Артём узнал почерк, хотя прежде не видел его на бумаге: это были пометки того самого соавтора.

— Это его правки? — проговорил Артём раньше, чем успел отфильтровать мысль. Аня замерла. Её плечи мгновенно одеревенели.

— Чьи? — тихо переспросила она, поднимая на него глаза.

Артём понял, что совершил ошибку. Затмение от перегруза на секунду стерло грань между тем, что она ему говорила, и тем, что он вытащил из её памяти через касание.

— Твоего бывшего соавтора, — попытался выкрутиться Артём, делая голос максимально равнодушным. — Ты как-

то упоминала, что тебе перечеркивали тексты.

— Я никогда не показывала тебе эти черновики, — Аня медленно выпрямилась. В её взгляде мелькнула настороженность. — И ни слова не говорила, что он правил мои тетради. Я вообще старалась о нём при тебе не вспоминать.

В репетиционной комнате стало слышно только, как вибрирует в углу силовой трансформатор.

Скажи, что увидел пометки на полях, — забил в затылок сухой совет Бесика. Зафиксируй логику. Не давай ей взглядываться в детали.

— Почерк другой, Ань, — Артём ткнул пальцем в синие чернила на полях страницы. — Синий гелевый стержень, наклон влево, маркеры на рифмах. Ты пишешь черным шариком и без наклона. Не нужно быть сыщиком, чтобы понять: тут работал кто-то другой. Слишком агрессивно правлено.

Аня смотрела на страницу еще секунды три, затем выдернула тетрадь из его рук.

— Не надо лазить по моим черновикам, Артём, — произнесла она шершавым, ломким голосом. — Это было три года назад. И это не твоё дело.

— Это мое дело, если этот текст идет в наш альбом, — отрезал он. Голос звучал жестче, чем он планировал. — Я не хочу, чтобы через полгода после тура вылез какой-нибудь ублюдок со шрамом на бровях и заявил права на твои строчки.

Аня побледнела. Тетрадь в ее руках едва заметно дрогну-

ла.

— Откуда... — прошептала она. Губы у нее пересохли.
— Откуда ты знаешь про шрам?

Артём сжал челюсти так, что в зубах отдало острой болью. Ловушка захлопнулась: он выдал деталь, которую физически не мог знать. Ни в одной соцсети, ни в одном разговоре Аня никогда не описывала внешность человека, который заставил ее подписать отказ от авторских прав.

Ошибка, — безэмоционально констатировал Бесик внутри. Ты перегружен. Контроль даёт сбой, когда ты путаешь личные границы с полученным материалом.

— Ты сама говорила, — соврал Артём, не отведя взгляда. Голос стал плоским, как лист железа. — В прошлый четверг, когда мы сидели в баре после прогона. Ты пила сидр и рассказывала, как он стоял над тобой в подвале. Ты просто заблокировала это, потому что была пьяна.

Аня смотрела на него длинным, тяжелым взглядом. В ее глазах не было уверенности — она действительно плохо помнила тот вечер в баре из-за усталости и алкоголя, но инстинкт подсказывал ей: здесь что-то не так. Что-то чужеродное, неправильное пробралось в их отношения.

— Я не помню, чтобы рассказывала это... — тихо проговорила она, отворачиваясь к стене. — Мне кажется, ты иногда смотришь на меня так, будто насквозь видишь. И мне это не нравится, Тём. Совсем не нравится.

Она встала, накинула куртку и выбежала из репетицион-

ной, давясь тяжелым, спертым воздухом коридора.

Артём остался стоять у кирпичной стены. В висках застучали тяжелые молотки, заставляя его зажмуриться и прижать ладонь к лбу. Чужая боль, которую он вытащил из Ани на студии, не испарилась — она засела внутри него, смешавшись с его собственной паранойей.

Она становится нестабильной, — прозвучало в затылке, когда гул мигрени немного утих. Чужие привязанности — это уязвимость. Если ты продолжишь опираться на эмоциональную связь, она разрушит твой расчет. Тебе нужен абсолютный рычаг, а не разговоры.

Артём опустил руку. Пальцы левой кисти сжались в сухой, крепкий кулак.

Просто менять реальность вокруг людей — недостаточно. Рано или поздно они почувствуют фальшь. Чтобы удержать их рядом и не потерять контроль, придется научиться менять их изнутри.

Глава 4. Слепое пятно

«Реальность можно согнуть. Трещина всё равно пойдёт по тому, кто давит.»

Октябрьский Обводный канал казался вылитым из мутного свинца. Низкое питерское небо висело над крышами бывших мануфактур, роняя на асфальт косую холодную крупу. От промышленной зоны тянуло сырым углём, мазутом и речной водой.

Площадка располагалась в полуподвале бывшего прядильного цеха XIX века. Тяжелая железная дверь со следами бывалой ржавчины открывалась с глухим, низким стоном, впуская внутрь сквозняк и стойкий перегар вчерашнего вечера. Внутри клуб встретил их спертым коктейлем из выдохшегося дешевого пива, хлорки, пролитого энергетического напитка и прокуренных кулис. Высокие сводчатые потолки из потемневшего от времени красного кирпича создавали акустическую ловушку: любой звук — будь то стук упавшего кабеля или громкий шаг — отскакивал от стен сухой, металлической дробью.

Сегодня здесь проходил закрытый осенний шоукейс: пять молодых питерских команд, полсотни приглашённых арт-директоров, представители независимых московских лейблов, региональные промоутеры и букинг-агенты. Для Вадим

ма это был главный рубеж года — шанс закрепить группу в обойме и продать первый полноценный тур.

Артём стоял у края подиума и наблюдал, как двое клубных техников — угрюмые парни в засаленных худи — разматывают по полу чёрные кабели.

Каждый резкий звук отзывался в висках тупой, пульсирующей болью. За ушами вибрировала тонкая струна — плата за регулярные погружения в чужие мысли и будущее становилась все ощутимее. Мозг не успевал восстанавливаться. Во рту с самого утра держался стойкий, приторно-металлический вкус горелой меди, а перед глазами время от времени пролетали мелкие серые мушки.

Аня находилась на другом конце сцены. На ней была кожаная куртка с застёгнутыми манжетами и тяжёлые митенки из мягкой замши. Несмотря на жар от тепловых пушек, куртку она не снимала. Она регулировала высоту микрофонной стойки и демонстративно не смотрела в сторону Артёма.

После того как в репетиционной он выдал детали её прошлого и приметы бывшего соавтора — вплоть до рваного шрама над правой бровью, — между ними встала глухая стена. Аня не понимала, откуда он всё это знает, но инстинкт подсказывал держаться подальше.

— Тём, иди сюда! Живее! — окликнул его Вадим от массивного звукового пульта, установленного в самом центре пустующего зала.

Рядом с продюсером стоял высокий сухощавый мужчина

лет тридцати пяти в дорогом графитовом худи. Это был Илья — арт-директор площадки, человек, который контролировал осеннюю сетку мероприятий. Ухоженная борода, цепкий взгляд, манера оценивать артистов как позиции в расписании.

Артём неторопливо спустился по деревянным ступеням со сцены. Каждый шаг отдавался в затылке тяжелым, мерным пульсом.

— Смотри, какая ситуация получается, — Вадим нервно потер облысевшую шею, то и дело заискивающе переглядываясь с арт-директором. — Нам режут сет. Вместо заявленных сорока минут дают максимум двадцать пять. Пять треков, Тём. Без проверок и настроек между ними, сразу напролом.

— Почему? — спокойно спросил Артём, останавливаясь напротив промоутера и пряча зябнувшие пальцы в карманы куртки.

— Потому что у меня после вас заходят хедлайнеры из столицы, — с нажимом проговорил Илья, даже не доставая рук из глубокого кармана. Голос у него был поставленный, бархатный, привыкший отдавать распоряжения и не терпящий возражений. — У них задержка по саундчеку сорок минут из-за накладки на трассе. Я не могу двигать вечернюю программу и сдвигать тайм-код перед генеральным спонсором. Либо вы ужимаетесь до двадцати пяти минут и выходите прямо сейчас, либо не выходите вообще. Все предельно

просто.

Вадим беспомощно развел руками, снизу вверх глядя на Артёма:

— Тём, ну двадцать пять минут — это лучше, чем полный слив. Сыграем

«Шрамы», «Эфир» и закроемся той субтоновой вещью, про которую ты говорил...

Он лжёт, — холодный голос Бесика отозвался тупой пульсацией в правом виске. Внутренний двойник больше не требовал усилий для вызова. У него нет никакой задержки хедлайнеров. Взглядишь в его тонус. Плечи зажаты, взгляд бежит по звуковой стойке. Он тебя сливает.

Артём не стал спорить или входить в бесполезный эмоциональный клинч. Он сделал полушаг вперед, вытаскивая из кармана правую руку.

— Илья, давай спокойно посмотрим сетку, — Артём чуть подался вперед, делая вид, что хочет взглянуть на распечатанный лист тайминга, приклеенный скотчем к корпусу микшерного пульта.

Сделав вид, что споткнулся о кабель, Артём рефлекторно вытянул руку и накрыл ладонью обнажённое запястье Ильи — рукав худи как раз задрался вверх.

Прямой, чистый контакт без барьеров.

В ту же секунду его дар заставил реальность вокруг схлопнуться. Вспышка боли за глазами была настолько острой,

что во рту моментально разлилась горечь, а перед глазами Артёма на полной скорости пронеслась короткая, грязно-реалистичная сцена из ближайших десяти минут чужой жизни:

...Илья отходит от пульта, ныряет в темный служебный коридор и заходит в полузаброшенную гримерку у запасного выхода. Там его ждет плотный парень в спортивной куртке — тот самый бывший соавтор Ани со шрамом на бровях. Илья передает ему плотный конверт, оглядывается и тихо ухмыляется: «Короче, питерских ужимаем до минимума. Их девка перед самым выходом узнает, что второй полноценный слот мы отдали твоей новой группе. Она либо сорвется и откажется выходить, либо выйдет полностью раздавленной. Скандал дадим в телеграм-каналы — нам нужен просмотр, а столичный привоз потом заберет всю кассу»...

Видение оторвалось. Артём разжал пальцы и отступил на шаг.

Илья дернулся, судорожно прижав руку к груди и с недоумением уставившись на свое запястье, словно его пробило разрядом от неисправного оборудования:

— Ты чего хватаешься?! — нахмурился промоутер, сделав шаг назад.

Артём вытер ладонь о джинсы. Затылок сверлила боль, зато мысли вдруг стали ясными и холодными. Расчёт был закончен.

— Вадим, шагни в сторону, — негромко, но так, что разговор на пульте моментально затих, проговорил Артём.

— Тём, ты чего творишь? — испуганно прошептал продюсер.

Артём посмотрел Илье прямо в зрачки.

— Ты не урежешь нам сет ни на одну минуту, Илья, — проговорил Артём. Голос звучал без единой эмоциональной вибрации — сухо, плотно и тяжеловесно. — И тот парень со шрамом из служебной гримерки у запасного выхода не получит твоего конверта.

Илья замер. Краска медленно, пятнами начала сходить с его лица.

— Ты... ты о чем вообще говоришь? — выдавил промоутер.

— О том, что, если ты прямо сейчас не вернёшь нам сорок минут и не заставишь техников отстроить Ане нормальный мониторинговый микс, я через две минуты зайду в ту гримёрку вместе с представителями московского лейбла, — продолжил Артём, ударяя в самое уязвимое место. — И мы подробно обсудим, как ты торгуешь слотами и сливаешь группы за наличку.

Разговор оборвался. В тишине остались гул вытяжки и редкий звон микрофонной стойки на сцене.

Вадим стоял с открытым ртом, переводя дикий взгляд с Артёма на побледневшего арт-директора.

Илья тяжело дышал. По его лицу было видно: он не понимал, откуда этот парень знает про конверт, человека со шрамом и гримёрку у запасного выхода. Но отрицать происхо-

дящее становилось бессмысленно.

— Сорок минут, — сквозь зубы, почти не разжимая губ, выдавил Илья, отступая спиной в темноту зала. — Выходите ровно по графику. Но чтобы после сорока минут вашей ноги на этой сцене не было.

Промоутер развернулся и быстрыми, рваными шагами скрылся за тяжелой портьерой служебного входа.

Вадим мгновенно вцепился Артёму в рукав, его пальцы мелко затряслись:

— Тём... ты сошёл с ума?! Откуда у тебя эта информация?! Какая гримёрка, какой парень со шрамом?! Если бы он упёрся и вызвал охрану...

— Он не мог упереться, Вадим, — сухо ответил Артём, жестко снимая пальцы продюсера со своего плеча. — У крыс нет ресурса для открытого боя. Иди к пульту и проследи, чтобы нам дали нормальный баланс на мониторы.

Он повернулся и медленно пошел обратно к сцене.

В голове стоял тяжелый, монотонный гул — как в пустом трансформаторном щитке.

На самом краю деревянного подиума стояла Аня. Она слышала весь разговор от начала и до конца.

Её лицо не выражало ни радости от сохраненного времени, ни облегчения. На нем застыл глубокий, лишенный всяких иллюзий ужас. Она смотрела на Артёма так, словно перед ней стоял не соавтор и гитарист, а чужеродное, опасное существо, способное доставать чужие тайны из чистого воз-

духа.

— Как ты это сделал, Артём? — тихо, едва разжимая губы, спросила она, когда он подошел к своему педалборду и нагнулся, чтобы проверить коммутацию. — Ты не выходил из зала. Ты не мог видеть, кто стоит у запасного выхода. И ты снова назвал человека со шрамом...

Артём поднял гитару, надел ремень на плечо и щелкнул тумблером питания на комбике. В динамике отозвался низкий, сытый гул раскаленных ламп.

— Я просто внимательно смотрю на людей, Аня, — ответил он, не поднимая глаз от гитарного грифа. — И просчитываю их шаги до того, как они успеют совершить глупость. Привыкай. Мы здесь для того, чтобы забирать своё, а не просить разрешения.

Аня отступила настолько, насколько позволял провод микрофона, и сильнее сжала стойку пальцами в замшевых перчатках. Доверия в её взгляде уже не было. Но сет начался, и отступить было поздно.

Глава 5. Новый уровень

«Просчитанная победа остывает раньше софитов. После неё остаётся чужой страх.»

Сценический дым пах сгоревшим глицерином, застоявшейся химической гарью и сухим озоном от раскаленных софитов. Слепящие ядовито-синие лучи прожекторов рассекали полутьму зала, выхватывая из сигаретного смога сотни силуэтов: взмокшие лбы, поднятые вверх экраны смартфонов, ритмично кивающие головы промоутеров и плотную стену людей, спрессованных перед самым подиумом.

Артём стоял у правого края сцены, чувствуя, как деревянные доски настила вибрируют под подошвами от низких частот бас-гитары. Черный корпус его инструмента казался тяжелым, монолитным куском свинца. Затылок разрывала тупая боль — цена за каждое проникновение в чужое будущее с каждым днем становилась все выше. Звуки вокруг проникали в сознание не только через слух, но и напрямую через кости черепа, отдаваясь мелким, дробным стуком в зубах.

Аня стояла у центрального микрофона. Пальцы в замшевых митенках вцепились в металл. Она пела с отчаянной злостью загнанного в угол человека. Голос на субтоне, утопленный в плотном ревербераторе, пробивал кирпичные своды — прозрачный, острый, тёмный.

Смотри на них, — мерно, без эмоциональных всплесков проговорил в затылке Бесик, заставив Артёма слегка качнуть корпусом в ритм следующего перехода. Они думают, что получают чистое вдохновение. На самом деле они просто едят твой жесткий расчет. Ты собрал эту конструкцию из фрагментов чужого страха и чужих ошибок. И она работает идеально.

Артём ударил по струнам, посылая в зал плотный, рассекающий пространство фазовый аккорд. За его спиной огромный гитарный комбик взвыл на самой грани акустического завязывания.

За пультом стоял Вадим. Пот блестел на его лице, а в глазах горел почти азартный восторг: Илья выполнил требования безупречно, и техники дали группе чистый, плотный баланс в порталах.

В середине третьего трека Артём на долю секунды отвел взгляд от грифа.

За рассеянным синим светом софитов он заметил движение у звуковой стойки: молодой техник, торопясь переключить линию гитарного процессора, случайно задел сапогом силовой кабель.

Боль ударила в виски раньше, чем кабель успел вылететь из гнезда.

В сознании вспыхнуло ближайшее будущее: через три секунды техник зацепит силовой кабель основного процессо-

ра, питание пропадёт, и гитара замолчит прямо на кульминации припева.

Артём не стал ждать. За секунду до аварии он ногой переключил А/В-бокс на резервный прямой канал, подготовленный на педалборде.

Техник выдернул провод. Основной процессор погас, в линии коротко зашипело — но резерв уже нёс сигнал в пульт. Зал ничего не заметил.

Зал отозвался глухим, нарастающим гулом одобрения.

В тот момент, когда должен был случиться срыв, Аня на секунду открыла глаза. Вместо облегчения в них мелькнула растерянность: Артём отреагировал ещё до самой аварии.

Когда отзвучали финальные фидбеки пятого трека и Артём сбросил громкость гитары на ноль, зал взрывом ответил такой волной аплодисментов и криков, что в кирпичных сводах задрожала старая пыль. Сорок минут пролетели как один плотный, непрерывный удар.

— Спасибо! — сухо проговорила Аня в микрофон, положила его на стойку и, не дожидаясь Артёма, спешно сошла со сцены по боковой лестнице.

В закулисном коридоре пахло сыростью, холодным чаем и сигаретным дымом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.